

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Час перед рассветом. Час волка. Самый тихий, самый темный. Час между ночью и днем, между жизнью и смертью. Всё замирает. Те, в ком пламя жизни сходит на нет, часто покидают мир именно в это время. А тех, кто продолжает бороться, мучает тяжкая предсмертная агония. В это время люди, мужчины и женщины, потерянно блуждают в темных пещерах собственного сознания, а душевнобольные безмолвно зывают о помощи во мраке угасающей ночи.

Это час свободы для тех, кто отмечен печалью порока, их время сеять тьму и хаос.

Волки бродят в поисках добычи, а их робкие жертвы дрожат, прячась среди листвы.

Безымянные существа поднимаются из бездны, чтобы смешаться с живыми на земле.

В этот час они витают над спящими в поисках блудной души, которую можно подчинить себе, пока не пришел рассвет.

Именно в такой час, на исходе темной весенней ночи, хозяин фермы Кнапахульт по имени Карл проснулся и сел в постели.

Его разбудил какой-то звук. Что это было?

Его жена Эбба, эта богомерзкая развратница, бесстыдно развалилась рядом после того, как снова соблазнила его своим дьявольски манящим телом. Он отвесил ей за это хорошую оплеуху, как и положено, в наказание!

На кухне, где спала их дочь, было тихо.

Тревожный звук шел снаружи.

Он осторожно свесил толстые волосатые ноги на пол, но кровать все равно скрипнула, и тогда он снова услышал это, но звук был слишком тихим, чтобы разобрать.

Крик? Не похоже.

Тявкнула лисица или ухнула сова? А может, треснул на реке лед? Или что-то еще. От этого звука засосало под ложечкой. Почему-то вспомнился адский пес Цербер.

А что, если это голос призрака? От страха у Карла зашевелились остатки волос на затылке. Шаркая босыми ногами, он подошел к кухонной двери и осторожно открыл ее. Она скрипела, но не сильно, особенно если не дергать, а тянуть медленно.

Он бросил взгляд на кухонную лавку, где, измученная работой по хозяйству, крепко спала их дочь Гунилла.

«Ну что ж, — подумал он, — труд полезен для души, дети должны знать, каково это — гнуть спину с утра до ночи».

Карл считал себя непогрешимым слугой Божьим и был очень доволен собой по жизни.

О чем бы ни шла речь, он утверждал, что все делает во славу Божью. Эту же жизненную философию Карл использовал и тогда, когда издевался над дочерью.

— Займись делом, девочка. Ленъ ведет прямиком в ад!

Таким образом он снял с себя большую часть работы на ферме...

Выйдя в прихожую, он натянул сапоги. Они были еще влажными после работы на овсяном поле, которое готовили к посевной.

Карл вышел на улицу. Таявшие сугробы голубовато поблескивали в ночной темноте. На небе не было луны, но ярко сияли звезды. В воздухе чувствовалась весна, но было еще холодно, и он поежился.

Вдалеке, как всегда, шумела река. В остальном было тихо.

«Вот так всегда и бывает, — раздраженно подумал фермер, — если нарочно прислушиваться, то ничего не услышишь».

Но он все стоял и стоял. Что-то ведь, в конце концов, разбудило его, он точно слышал.

Но кругом было тихо. Однако, едва Карл повернулся, чтобы войти в дом, как снова услышал этот звук. И сжался в комок. Это был крик, точнее крики, доносившиеся с лесной пустоши, что начиналась сразу за полями Кнапахульта, или из оврага за ней. Кричали люди, но он не разобрал, о чем шла речь.

«Это совсем близко», — подумал Карл, и ему стало еще страшнее.

Крик накатывался волнами, как будто вопил целый хор.

Боже правый, неужели начался конец света? Щетинистое лицо Карла побледнело.

«Мне-то не о чем беспокоиться, но Эббе, бедняжке, пощады не будет. Она отправится прямоком в ад, она слишком порочна. С этим ничего не поделать. Господь уже вынес приговор».

Карл знал Библию, особенно те ее части, которые соответствовали его интересам.

И тогда по округе снова разнесся крик, только теперь он сместился в сторону болот.

На этот раз — Карл мог бы в этом поклясться — кричали так, как не может ни животное, ни человек. Но кто тогда?

Тут Карл остановил себя — этак недолго и запугать себя до смерти. А он умный человек, к тому же слуга Божий, негоже ему нагонять смурь. Это новолуние навесило нелепые мысли.

Стало совсем холодно, но Карл так и стоял на пороге. Криков больше не было слышно, и он вернулся в дом.

Задержался на кухне, с легким раздражением глядя на очертания тела дочери под одеялом. Женщины всегда были для него людьми второго сорта, и он до сих пор переживал, что у него нет сына, вымещая это на Гунилле. Ей, хрупкой пятнадцатилетней девчонке, приходилось работать как парню.

Карл уже давно решил, что выгодно выдаст ее замуж и хоть так получит пользу. У Гуниллы уже имелся поклонник, но Карл был от него, мягко говоря, не в восторге. Эрланд Бак, этот ублюдок, пятый сын в семье, точно ее не получит. Карл метил выше. Он прекрасно знал, кто интересуется его дочерью. Пока все выглядело вполне невинно, но со временем управляющий поместьем Бергквара неминуемо заметит очарование Гуниллы. Конечно, не сейчас, а через несколько лет, когда она вырастет и станет молодой женщиной. Тогда Карл из Кнапахульта получит кругленькую сумму на безбедную старость и будет счастлив.

Но эта дура Эбба балует девчонку. Даже слушать не хочет, что нужно найти дочери человека выше них по положению. Неужели Эрланд Бак хорош для нее?

Карл вернулся в спальню и застыл у кровати, созерцая соблазнительные изгибы тела Эббы, которые смутно различал под одеялом. Нет, ну что за потаскуха! Она снова возбудила его. Умудряется делать это даже во сне. Он поднял руку, чтобы дать ей оплеуху, но передумал, потому что все проснутся и устроят переполох.

Вместо этого он поборол порочное желание, которое она пробудила, подошел к окну и выглянул наружу. Все было тихо.

Что же он слышал? Кто кричал?

Карл из Кнапахульта не отличался особой чувствительностью, но то, что на болотах тво-

рится что-то странное и зловещее, было очевидно даже ему.

Карл помолился. Уж не дьявол ли явился в эти края?

Его небольшая усадьба располагалась на некотором расстоянии от деревни, на краю широкой, поросшей лесом пустоши. Никому другому криков слышно не было.

Карл мог бы рассказать об этом людям в приходе, но решил, что не станет. Боялся показаться идиотом, не хотел, чтобы над ним смеялись. Однажды он уже выставил себя дураком. В один прекрасный день ему показалось, будто Господь подает знак, что Судный день близок и выживут только избранные, и он объявил об этом в приходе. Даже назвал точную дату. Но в тот день, разумеется, ничего не произошло, и Карл сразу стал всеобщим посмешищем. Он, конечно, кое-как извернулся, заявив, что это его, Карла, молитвы Господу спасли всех. Но повторения не хотел — негоже, чтоб над ним потешалось всякое богомерзкое отродье.

Если бы в ту ночь Карл поменьше думал о своей репутации и побольше об общем благе, страшная тайна раскрылась бы гораздо раньше. Его молчание сыграло на руку злой силе, которая нашла пристанище в овраге за пустошью.

Когда остальные поняли, что дело нечисто, это место стали называть оврагом Дьявола. Но

никому не приходило в голову связать появление темной силы неподалеку от Кнапахульта с событиями, которые происходили в то же время на другом конце страны.

Небольшая ферма Кнапахульти не слишком процветала, но была не хуже других в приходе Бергунда, недалеко от Векше в Смоланде. Эбба, жена Карла, стояла у окна и смотрела на свою дочь Гуниллу, которая вышла покормить животных. Карл сидел на скамье у стены, наблюдая за женой и предаваясь мрачным воспоминаниям...

Кнапахульти — дом его детства, но, будучи младшим сыном, он не мог его наследовать. В юности это его не слишком беспокоило, он открыл в себе другое призвание. Решил, что ему предназначено стать проповедником. Он бродил по стране с Библией, рассказывая всем, что видел Святого Духа, и обращал грешников в паству одной из свободных церковных общин Швеции, причем самой радикальной, потому что больше всего на свете Карлу нравилось быть праведным и притесняемым.

Он обошел всю страну. В те дни он был весьма хорош собой, поэтому восемь из десяти новообращенных были женщинами. Карл терпел плотское искушение каждый божий день, но праведно сопротивлялся, а когда становилось невозможно, умерщвлял свою плоть постом и розгой. Но обращенные им богобоязненные женщины снова и снова переживали духовный

экстаз и падали ниц, соблазнительно демонстрируя разные части тела: и щедрые декольте, и задранные вверх округлые ягодичцы. Бедняжки не думали, как выглядят в покаянии и слезах, а вот проповеднику приходилось с болью приводить себя в чувство. Но он был горд собой, потому что ни одной из них так и не удалось сбить его с пути истинного. Раз за разом праведный Карл побеждал нечистые искушения, которые посылал сатана.

А потом встретил Эббу. Боже милостивый! Ее глаза горели как языки пламени. На ней было платье с глубоким вырезом, в котором было спрятано гораздо больше, чем у других. Ее талия была узкой, как песочные часы, а бедра вызывающе покачивались.

Карл влюбился по уши.

Привел ее в свою комнату, желая совершить обращение наедине, чтобы вырвать бедную девушку из острых когтей сатаны. Полчаса читал молитвы, то и дело закипая от непонятной злости и угрожая невыносимыми мучениями на том свете. Он заговаривался, бормотал что-то о желании и радости, от которых избавит обращение. Даже достал Библию, но ситуация стала невыносимой, и он с собой не справился.

Голова упала на грудь, глаза остекленели. Карл начал задыхаться и упал на колени перед рыдающей потрясенной девицей. Бессильные руки перестали слушаться, он потянулся к ее

одежде, стеной и сопя, как животное. Он не знал, что делать, искал застёжки и не в силах был их расстегнуть. Эбба поняла, к чему все идет, и не стала останавливать красивого проповедника, а просто опустилась на пол в подходящей позе. Желание охватило его с неумолимой силой, он как ураган сорвал с себя одежду, но никак не мог ослабить застрявший ремень, нетерпеливо скулил, постанывая и выдыхая, как органная труба. Наконец ему удалось вытащить свое орудие. Эбба раздвинула ноги и набожно вздохнула. Карл закричал, овладевая ею, но Эбба молчала, потому что уже пробовала такое раньше. Он этого не заметил и, как дикий кабан, бросился в атаку, удивляясь, что искушение так невыносимо приятно!

С тех пор у него не было никого, кроме Эббы. Днем и ночью, стоило ей только покачать бедрами, Карл тут же был наготове. Но, негодуя на себя за эту слабость, он бил ее, обвинял и оскорблял, даже в брачную ночь, но бил не очень сильно, не нестерпимо. Эбба рассматривала побои как часть любви и не обижалась. В конце концов, Карл был таким красивым, его хотели все женщины, он мог выбрать любую, но выбрал именно ее.

Скрывать связь с Эббой стало невозможно, а расстаться не нашлось сил, и в конечном счете Карл на ней женился. Поначалу он рассудил, что теперь, раз она все время под рукой, легче

будет воздерживаться от греха. Пытался отдалиться, противостоять искушению, но воздержание лишь сильнее распаляло лицемерного праведника, и за это он ненавидел и бил ее еще сильнее. Это Эбба во всем виновата. Он сосуд Бога, а она, сосуд дьявола, каждую минуту старается сбить его с пути истинного.

Спустя некоторое время пришло сообщение из родительского дома. Старший брат Карла умер и оставил ему ферму Кнапахульт. Карл с Эббой сразу же отправились туда и стали обустройства быт. С ними была и маленькая Гунилла, их единственный ребенок. Прежде был еще маленький сын, но они его потеряли, и за это Карл еще сильнее ненавидел обеих женщин своей семьи.

Карлу казалось, что он по-прежнему хорош собой и нравится женщинам не меньше, чем в молодости. Однако со временем стал замечать гримасу отвращения на лице жены, когда ее взгляд скользил по складкам жира на его животе. И то, как ее ноздри раздувались от отвращения, когда она чувствовала запах его пота. А однажды Эбба сказала, что худые белые волосатые ноги Карла просто ужасны. Это замечание привело его в такую ярость, что он избил жену. Как она смеет жаловаться? Женщины падают перед ним на колени и становятся влажными от одного его взгляда.

— Да, так было когда-то давно, — осмелилась сказать Эбба. И снова была избита.